

История

УДК 371.671.11:[396(47+57)(091)](045)

Женские персоналии на страницах школьных учебников Отечественной истории

© **Фалько** Елена Ивановна, кандидат исторических наук, Центральные подготовительные курсы МГУ им. М. В. Ломоносова. *Приоритетные темы исследований:* женская история. Контактный телефон: 8-903-243-25-82 (моб.). E-mail: eifalko@mail.ru.

В статье проводится обзор современных (изданных с 2000 года) школьных учебников Отечественной истории на предмет рассмотрения того, как женские персоналии представлены на их страницах.

Ключевые слова: женские персоналии, гендерные репрезентации, школьные учебники по истории России, гендерная асимметрия.

Women's personalities in the pages of textbooks the history of Russia

© **Falco** Elena, Ph. D. in History, the central preliminary courses of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov. *Priority research topics:* female's history. Contact Phones: 8-903-243-25-82 (work), 8 (495) 232-78-69 (home). E-mail: eifalko@mail.ru.

Abstract

In article the review modern (published since 2000) school textbooks of Domestic history about that consideration as a female personnel is presented on their pages is spent.

Key words: *women's personalities, gender representation, textbooks on history of Russia, gender asymmetry.*

«Гендерные стереотипы индивида, – как уверяют педагоги, – формируются с раннего детского возраста, по мере социализации ребёнка в конкретной культурной среде под влиянием множества различных факторов этнического, семейного, бытового, экономического, социально-средового, образовательного, имущественного и иного характера» [19, 33]. Поэтому к гендерным характеристикам школьных пособий исследователи обращались неоднократно [18; 20; 23], выясняя механизм формирования гендерных стереотипов¹ в процессе обучения

¹ Гендерные стереотипы – это упрощённые, кодифицированные в общественном сознании представления о «мужественности» и «женственности» и соответствующие им типы поведения, принятые в данном социуме и передаваемые индивидам в процессе социализации [16, с. 23]. Гендерные стереотипы выступают разновидностью социальных стереотипов. Общим для всех стереотипов является типизация, использующая привычные оценки, ожидания, взгляды и предубеждения. Стереотип «мужественности» включает такие черты, как самодостаточность, склонность к риску, независимость, агрессивность, компетентность и рационализм, а стереотип «женственности» – эмоциональность, отзывчивость, слабость, жертвенность, подчинённость. Стереотипы предусматривают образцы «женского» и «мужского»

в образовательных учреждениях, последствия их усвоения на формирование личностных установок молодёжи, последующую социализацию и выбор жизненной стратегии юношей и девушек.

В центре внимания исследователей находились учебники начальной и средней школы – математики, русского языка и литературы, буквари. Разбору подвергались текстовые упражнения, рассказы, используемые иллюстрации и рисунки: подсчитывалось количество рассказов или иллюстраций, в которых фигурируют девочки и женщины; с точки зрения содержательного анализа изучались роли, которые им отводятся; фиксировались характеристики, которыми они наделяются. Также обращалось внимание на подбор и содержание текстовых упражнений.

Исследователи единодушны во мнении, что школьные учебники являются одним из каналов трансляции и формирования социокультурных стереотипов: «...учебники и учебные пособия полны проявлениями сексизма... в них также преобладают в качестве главных действующих лиц мальчики и мужчины... на иллюстрациях в 66,0% изображены только мальчики и мужчины, тогда как только девочки и женщины присутствуют на 13,6% картинок...» [20, с. 19], «гендерные стереотипы, которые содержатся в российских учебниках математики и русского языка, отличаются сексизмом в отношении женщин. Они транслируют патриархатные представления о роли мужчин и женщин в жизни общества, закрепляющие за мужчинами сферу общественной жизни (работа, политика, бизнес и т. д.), а за женщинами – приватной (дом, семья, дети)... гендерными стереотипами пронизаны и учебники литературы 7–9 классов: не содержат ни одного упоминания о женщинах писательницах и поэтах» [18, с. 245].

Гендерная экспертиза учебников для общеобразовательной школы (1–11 класс) была проведена А. Смирновой с целью выявления «скрытых угроз» развитию личности мальчиков и девочек, определения «степени гендерной стереотипизации учебного материала на разных ступенях обучения» [23]. Выявлялись частота обращения к гендерным стереотипам в зависимости от класса и образовательной области, социальные роли мужчин и женщин на страницах учебников, обозначения женских и мужских профессий, закрепления феминных и маскулинных качеств и др.

По частоте использования гендерных характеристик и степени стереотипизации передаваемой информации автор предложила выделить четыре группы учебников. В первую группу вошли «Геометрия», «Черчение», а также предметы естественнонаучного цикла: «Химия», «Физика и астрономия», «Биология». В ней практически полностью отсутствуют гендерные характеристики, однако те немногочисленные образы, которые все же присутствуют, транслируют традиционные стереотипы. Вторая группа учебников («Литература», «История», «Обществознание» и «География») характеризуется высоким уровнем гендерных стереотипов. Учеб-

поведения, выстраивают систему социально и культурно определённых ожиданий, норм и ценностей, которые принципиально асимметричны для обоих полов. Хорошо известен, например, стереотип «неспособности» женщин к политической деятельности.

ники этой группы воспроизводят традиционные гендерные стереотипы о положении и ролях женщин и мужчин в обществе, с позиции структурного функционализма приводят объяснения сложившейся гендерной структуры общества. Отличительной особенностью третьей группы («Русский язык» и «Математика») стало широкое использование в них образов мужчин и женщин применительно к профессии и досуговой сфере. Как и предыдущие, они транслируют традиционные гендерные стереотипы, но делают это более целостно, в разных областях жизнедеятельности: не только в работе, но и на досуге. Последняя, четвёртая группа («Технологии») транслирует существующие гендерные стереотипы наиболее жёстко. Разделение на группы по этому предмету (уроки труда) идёт по признаку биологического пола. Здесь гендерные стереотипы выступают как императив [23, с. 21–34].

Особенностью учебников «Истории»², по мнению А. Смирновой, «является реконструкция в них представлений патриархального общества. Немногочисленные образы женщин, используемые в учебниках, подчеркивают их принадлежность к приватной сфере... В целом, в учебниках воспроизводится модель поведения хозяйки, заботящейся о детях, занимающейся шитьём, хотя в случае необходимости и «выходящей на работу». В учебниках истории предлагаются профессиональные образы учительниц, машинисток, секретарей. Приватная сфера практически не представлена в учебниках по данному предмету, поэтому женщины остаются практически невидимыми, а сфера их деятельности – незначимой... В учебниках истории акцент сделан на рассмотрение публичной сферы. Анализ этих источников позволяет обозначить профессиональную сферу как стереотипно мужскую (заметим, что в исторической ретроспективе представительство мужчин в общественной сфере было объективно больше)...» [23, с. 24].

Итак, в предшествующих работах анализ учебников, в том числе и истории, проводился с точки зрения выявления гендерных ролей, моделей социального мужского и женского поведения, представленных на их страницах, степени стереотипизации материала; нас же интересует полнота отражения в них исторической реальности. Женскими исследованиями накоплен обширный конкретно-исторический материал, который позволяет достойно представить женский социальный опыт в его историческом развитии.

При обращении к текстам учебников по Отечественной истории мы выделили некоторые темы, которые могли бы (и должны) найти своё место в изложении курса отечественной истории. Это «женский труд», «женские занятия», «женское образование», «положение женщины в семье», «особенности социального статуса женщин разных сословий», «женщины-правительницы», «православные святые», «русские императрицы», «эволюция культурных форм и быта», «изменения в области менталитета и духовной жизни», «первые писательницы», «декабристки», «благотворительницы», «женские общественные организации первой половины XIX в.», «женский вопрос как изменение традиционных гендерных ролей», «женщины в общественной мысли и общественных движениях XIX в.», «революционерки», «женщины в культу-

² А. Смирновой рассмотрены восемь учебников по «Истории древнего мира», «Истории средних веков», «Истории Отечества», «Новейшей истории» с 5-й по 9-й класс.

ре и науке», «женское движение второй половины XIX – начала XX в. (либералки, суфражистки, марксистский феминизм)», «женщины в политической жизни начала XX в.», «политика советского государства в отношении женщин и семьи», «женотделы 1920–1930-х гг.», «женщины в ВОВ и послевоенном восстановлении народного хозяйства», ««женщины в культуре и науке XX – начала XXI в.», «женщины-министры, политики, бизнес-леди».

Принимая во внимание выделенные темы, мы просмотрели 14 учебников по истории России с 7-го по 11-й класс, изданных в 2010–2011 гг. Список учебников представляет собой случайную выборку.

Класс общеобразовательной школы	Изучаемый хронологический период Истории России	Уровень	Количество
11 класс	XX – начало XXI в.	профильный уровень	1
10 класс	конец XVII – XIX в.	профильный уровень	1
10 класс	XVIII–XIX в.	базовый уровень	1
10 класс	с древнейших времён до конца XIX в.	базовый уровень	2
9 класс	XX – начало XXI в.		3
8 класс	XIX в.		3
8 класс	XIX – начало XX в.		1
7 класс	XVI–XVIII вв.		2
			Итого: 14

С древнейших времен до конца XV века

Традиционно древнейший период Отечественной истории небогат женскими именами: восточнославянская богиня *Мокошь* [1, с. 27, 28; 13, с. 9], среди первых киевских правителей – княгиня *Ольга*, жена киевского князя Игоря, мать Святослава, устроительница древнерусского государства и первая христианка. В учебнике Н. И. Павленко Ольга представлена в образе волевой и осмотрительной государыни, не чуждой жестокости и коварства, как в случае мести за смерть мужа. Крещению Ольги придаётся особое значение, историк называет её христианское имя – *Елена*, доносит до нас оценку древнерусского летописца – «мудрейши всех человек», была «как бы зарёй перед восходом солнца» [13, с. 11]. В учебнике И. А. Андреева о выдающейся личности княгини Ольги сказано мимоходом: «Крещение княгини Ольги, традиционно (хотя и весьма условно) датирующееся 955 г., стало первым шагом к превращению христианства восточного толка в государственную религию Древней Руси» [1, с. 22].

Источники Древней Руси запечатлели не так уж много женских имён, в основном княжеских жён, матерей, сестёр. Современные историки не всегда считают нужным знакомить школьников с древнерусскими женщинами. Их имена упоминаются в рассказах о династических браках правящего сословия, имеющих внешне- или внутривластическое значение, приводятся на страницах учебников как свидетельство международного авторитета великих киевских князей. Это внучка Владимира Мономаха *Добронега Мстиславна*; жена Владимира Святославича, сестра византийских императоров *Анна*; дочери Ярослава Мудрого *Елизавета* (жена короля Норвегии), *Анастасия* (жена короля Венгрии), *Анна* (жена короля Франции); невестки

Ярослава: жена Изяслава – польская королева *Гертруда*, жена Святослава – немецкая принцесса *Ода Трирская*, жена Всеволода – византийская принцесса *Зоя (Анастасия)* из рода Мономахов; супруга Владимира Мономаха – дочь английского короля Гаральда II *Гида*. В этом же аспекте – укрепления союзнических отношений – сообщается и о браках русских князей с дочерьми половецких ханов. В контексте московско-тверских отношений рассказывается о первом браке Ивана III с дочерью тверского князя Бориса Александровича (в последних случаях имена женщин не называются) [13, с. 29–30, 65]. Принадлежность второй жены Ивана III *Софьи Палеолог* к византийской императорской династии и значимость этого брака для укрепления власти московского государя обеспечили ей известность в русской истории. Вряд ли найдётся учебник, умолчавший её имя.

Не всегда брачные отношения русских правителей выглядят столь прагматично. Вот как рассказывается о перипетиях личной жизни Василия III в учебнике для семиклассников: «Василий III Иванович правил с 1505 по 1533. В 1505 он решил жениться. В Москву привезли 500 невест, и были устроены смотрины. Молодой государь избрал себе в жёны красавицу *Соломонию из рода Сабуровых*. Они прожили вместе двадцать лет, но у них не было детей. Василий Ивановича тяготило отсутствие наследника. В конце концов Соломонию постригли в монахини и сослали в суздальский женский Покровский монастырь. Второй раз Василий III женился на *Елене Глинской*, выбрав жену «лепоты ради её лица». Она и стала матерью будущего царя Ивана Грозного» [2, с. 6].

Появление женских имён на страницах учебников обусловлено и субъективными пристрастиями авторов. Например, И. А. Андреев, И. Н. Данилевский, В. В. Кириллов включили в учебный текст интересные вставки – «штрихи к портрету времени», в том числе и отражающие гендерную тематику. К периоду феодальной раздробленности относится рассказ о жизненных невзгодах, выпадавших на долю женщин знатного происхождения. Авторы пространно повествуют о галицкой княгине *Ольге Юрьевне* – супруге могущественного Ярослава Осмомысла, вынужденной бежать от мужа с сыном Владимиром и боярами в Польшу, так как князь отдавал предпочтение внебрачному сыну Олегу. Возвращение же княгини в Галич стало возможным после ареста Осмомысла и сожжению на костре его любовницы Настасьи [1, с. 38].

XVI–XVII века

Положительно авторы учебников оценивают кратковременное регентство *Елены Глинской*. Её начинания (проведение денежной реформы, реформы мер и весов, ограничение произвола наместников) характеризуют как «усилия централизаторские, призванные упрочить единство в экономической и финансовой сферах» [1, с. 83; 13, с. 89; 2, с. 6]. XVI век представлен именами цариц. Это некоторые из жён Ивана Грозного – *Анастасия Романова*, мать царевича Федора [1, с. 102; 7, с. 70], *Мария Нагая*, мать его сына Дмитрия [13, с. 89], кавказская красавица *Мария Черкасская* [7, с. 70]. В большей степени вызывает симпатии историков первая жена Ивана IV Анастасия Романова: «Она славилась добротой... наставляла Иоанна на всякие добродетели, смиряла приступы гнева» [2, с. 48].

Из женщин новой династии Годуновых чаще всего называют имя *Ирины Годуновой* – жены Федора Иоанновича, сестры Бориса Годунова, реже вспоминают дочь Бориса *Ксению*, отправленную в монастырь после смерти отца [7, с. 85; 2, с. 53]. Смутное время открывает XVII век. В рассказе о Смуте всегда присутствует имя «знатной полячки», «очень честолюбивой девушки» *Марины Мнишек* – невесты, затем жены Лжедмитрия I и Лжедмитрия II [1, с. 118; 2, с. 54–57; 7, с. 94; 13, с. 118].

Следующие персоны женского пола – представительницы дома Романовых. О степени их влияния, причастности к управлению историка не сообщают. Так, рассказывая о влиянии матери Михаила Романова на молодого царя, авторы не считают нужным даже назвать её имя, прояснить её роль в государственных делах. Акцент делается на несамостоятельности царя в первое время: «он был неглуп от природы, но слишком молод, чтобы управлять большой и сложной страной. Михаил во всем покорялся своей матери, ничего не предпринимая без её согласия» [2, с. 71]. Жёны Алексея Михайловича, родовитая боярыня *Мария Милославская* и незнатная дворянка *Наталья Нарышкина*, в большей степени известны благодаря своим детям – наследникам престола и развернувшейся между ними борьбе за власть [2, с. 121; 7, с. 94].

Боярыня *Морозова* и её сестра княгиня *Урусова* присутствуют в рассказе о расколе, показана их стойкость в отстаивании старой веры и следование своим убеждениям до смерти [2, с. 102].

Правлением *Софьи Алексеевны* заканчивается XVII век, период средневековой истории. Её характеризуют как личность незаурядную: «...была умна, хорошо образована, имела решительный, смелый и властолюбивый характер...» [2, с. 120]. «По своему характеру она не имела ничего общего с затворницами терема. Это была женщина умная, энергичная, честолюбивая, сумевшая преодолеть старомосковские обычаи и активно борющаяся за власть, используя в этой борьбе в том числе и нечистоплотные средства...» [13, с. 150]. Активная внешняя политика Софьи представлена как способ укрепить своё положение и остаться у власти. В Софье видят продолжателя реформ Алексея Михайловича, ставят в заслугу открытие Славяно-греко-латинской академии, увеличение количества полков нового строя, организацию Крымских походов [7, с. 169]. Но и отмечают влияние фаворитов – князя В. В. Голицына и Ф. Шакловитого – в годы её правления [11, с. 9, 10; 7, с. 169]. Гендерные аспекты пребывания женщины на троне затронуты А. А. Левандовским: «Непривычное для России женское правление вызывало подозрительное, недоверчивое отношение в самых разных кругах. Сумев захватить власть, правительница с трудом удерживала её в своих руках» [11, с. 9]. Далеко не все историки спешат сообщить о времени регентства Софьи при малолетних Иване и Петре. Так, в учебнике И. А. Андреева, И. Н. Данилевского и В. В. Кириллова она упоминается всего в двух предложениях в контексте рассказа о Петре: «В годы регентства сводной сестры, царевны Софьи (1682–1689), ему всерьёз приходилось опасаться за свою будущность и даже за жизнь. Петр возненавидел всё то, что для него ассоциировалось с этим прошлым – стрельцов, царевну Софью и её приверженцев» [1, с. 160].

Достаточно редко авторы школьных учебников обращаются к характеристике положения женщины в семье или особенностям социального статуса женщин разных сословий. Исключение составляет учебник Н. И. Павленко, выделивший «Быт» в отдельный раздел. Здесь говорится о приниженном положении женщины в крестьянской семье, жёсткой регламентации жизни женщин знатных боярских родов, их полной изоляции от внешнего мира. Приводятся сведения о правовом неравноправии полов, невозможности расторжения брака, разных мерах наказания за одинаковое преступление (убийство супруга), совершённое мужем или женой: «Мужеубийцу ожидало закапывание по шею в землю и мучительная смерть от жажды и голода. Репрессий по отношению к мужу Уложение не предусматривало, на практике наказание мужчин ограничивалось покаянием» [13, с. 147]. Нечасто вспоминают и «Домострой», отразивший главенствующую роль мужчины в семье, навязывавший патриархальное распределение домашних обязанностей, патриархальные образцы поведения в семье и обществе [2, с. 28]. Авторы школьных учебников, как правило, не используют понятий «патриархальное общество», «патриархат». В некоторых случаях при характеристике семейных отношений применяют понятие «патриархальные отношения», в других отмечается их подчиненность «дедовским обычаям и законам общины» [7, с. 25; 13, с. 287].

XVIII век

Зарубежные исследователи русской истории выделяют XVIII век как особый, «ключевой период в изменении статуса женщины как в обществе, так и в семье, и важнейшую роль здесь сыграли реформы Петра I, которые считаются переломным моментом, водоразделом в гендерной истории России...» [15, с. 471]. С этой оценкой согласны и наши гендеристы: «Европейское Просвещение завершило формирование особого, ни на что ни похожего типа женщины. Не только мать и хозяйка, не только Прекрасная дама – предмет для поклонения и завоевания, не просто модель для художников и скульпторов, а женщина-политик, литератор, философ, ученица известных профессоров, содержательница модных салонов, где собирались поэты и писатели. Властительница дум, духовно связанная с развитием культуры и во многом определявшая этот процесс. Именно в эпоху Просвещения в образованных семьях появились собственные женские библиотеки, стали издаваться первые женские журналы, представительницы высших слоев европейского общества начали писать дневники и мемуары, что свидетельствует об осознании ими ценностей своих чувств и мыслей» [17, с. 223].

Школьный курс истории вскользь сообщает о культурных изменениях XVIII в. Из петровских новаций, касающихся женщин, отмечено введение ассамблей, на которых разрешалось присутствовать дамам [3, с. 119; 13, с. 171], из екатерининской эпохи – начало развития женского образования (дворянок и мещанок), положенное открытием Смольного института [1, с. 220]. Достаточно узок круг женских персон. Из женщин петровского времени в нескольких учебниках упоминается его мать *Н. К. Нарышкина*, в основном в отрицательном контексте. О ней как воспитательнице юного Петра сказано: «Мать хорошо позаботилась лишь о начальном образовании сына [2, с. 121]. О первых годах правления Петра: «Власть оказалась в 1689 г. в руках царицы Натальи Кирилловны, матери Петра, её родственников Нарышкиных и их

советников. Вся эта компания, в которую вошли и Лопухины – родственники Петра по молодой жене, пустилась с необыкновенной энергией обкрадывать казну и людей» [3, с. 5].

Редко вспоминают первую жену Петра, мать царевича Алексея *Евдокию Лопухину*, которая «по словам современников была красива, умна и воспитана в строгих нравах «Домостроя» [7, с. 170]. По-разному относятся к Марте Скавронской, ставшей второй супругой великого государя и русской императрицей *Екатериной I*. Учебники для 7-х классов помещают краткую биографию Екатерины I [2, с.182; 7, с.208], учебники старших классов иногда игнорируют даже время её правления [1, с.178,179]. Личные положительные качества второй супруги императора отмечены в учебнике В. И. Буганова: «жена – близкий и любимый человек, помощница, всюду его сопровождавшая» [3, с.39]. Однако историки единодушны в оценке её неспособности управлять государством: «...способностей к делам управления она, прожив с Петром два десятка лет, не обнаружила», «государственным умом не блистала» [3, с. 39, 46, 47]; «Екатерина I не имела ни опыта, ни особого желания заниматься государственными проблемами» [2, с.182]; «Екатерина сумела заслужить любовь царя, но, даже заняв место на троне рядом с Петром I, она оставалась человеком невежественным, совершенно неспособным заниматься государственными делами» [11, с.45,46].

Екатерине I и последующим правительницам «эпохи дворцовых переворотов» приписывают общие черты: «...в своей политике они заботились не о развитии и продолжении реформ своего великого предшественника, а об укреплении своего положения на престоле... будучи не в силах править государством, императрицы... окружали себя фаворитами, помогавшими им в трудном деле государственного управления и не забывавшими о собственном обогащении...» [13, с. 174].

«Сиятельные пустоцветы» – такую характеристику дают И. А. Андреев, И. Н. Данилевский, В. В. Кириллов правителям и правительницам «эпохи дворцовых переворотов»: «Занимавшие русский престол правители были в большинстве своём людьми легкомысленными, государственные дела являлись для них непосильным бременем, они и не могли, и не хотели заниматься ими. Круг их интересов – охота, развлечения, иногда – на старый манер – с шутами и дураками, иногда – на новый – с балами, маскарадами, картами. Впрочем, Елизавета Петровна успешно соединяла и то и другое. Пренебрежение царствующих особ своими обязанностями печально сказывалось на течении дел, исход которых во многом зависел от настроения государя и устремлений фаворитов» [1, с.182].

Крайне негативную историческую репутацию заслужила *Анна Иоанновна* своим неумением и нежеланием править огромной державой, немецким засильем при дворе, казнокрадством, взяточничеством и массой других пороков» [13, с.174–175; 3, с.49; 11, с.48–50]. Более нейтрально она сама и десятилетие её правления представлены в учебнике П. А. Баранова. Кроме биографических сведений, отсутствующих в других учебниках, в нём нашлось место и для положительных сторон её царствования: «При Анне Иоанновне России удалось укрепить статус великой державы. В результате русско-турецкой войны 1735–1739 гг. был возвращён Азов, присоединена часть правобережной Украины и казахские земли» [2, с. 187]. Здесь же

штрихами набросан портрет и *Анны Леопольдовны*, забытой другими авторами: «...бесхитростна, не властолюбива, не коварна, порой даже беспечна. В государственных делах разбиралась плохо» [2, с.189].

Время правления *Елизаветы Петровны* историки относят к той же «эпохе дворцовых переворотов» с перечисленными выше отрицательными чертами. Её способность к занятиям государственными делами ставится под сомнение: «унаследовав в какой-то степени энергию и темперамент своего отца, Елизавета не имела ни способностей, ни вкуса к серьёзным государственным делам» [11, с. 51]; «Елизавета Петровна, женщина весёлая, весьма склонная к празднествам и прочим удовольствиям, правительственные дела препоручила своим министрам, в первую очередь фаворитам...» [3, с. 50]. Однако здесь же говорится, что фавориты Елизаветы «заметно отличались от своих предшественников... либо старались не вмешиваться в государственные дела, либо оказывали на них, как правило, благотворное влияние», «что же касалось самих государственных деятелей, то и здесь у Елизаветы Петровны на первых ролях были люди незаурядные...» [11, с.51]. Личность самой Елизаветы – дочери Великого Петра – с симпатией описывается историками: «тридцатилетняя рыжеволосая красавица» [7, с. 227], «жизнерадостна, весела и остроумна» [2, с. 190], «весёлая и незлая» [11, с.51]. Кроме страсти Елизаветы Петровны к развлечениям и нарядам отмечают её религиозность и набожность, образованность [2, с.191].

Деятельность и личность *Екатерины II* оценивается высоко в современных учебниках. Её политике «просвещённого абсолютизма» приписывается «новый модернизационный импульс», ставится в заслугу умение «добиться значительных изменений в государстве без катастрофических потрясений и обременительных перемен в укладе жизни» [1, с.181,190]. Императрица, по мнению историков, обладала всеми качествами, необходимыми для искусства управления: «она была терпелива, гибка, критична и в то же время настойчива, решительна и последовательна... её работоспособность невероятна...»; отличительные черты её личности – «...твёрдость жизненных установок и стремление к реализации своих решений, помноженное на огромное трудолюбие...» [1, с.191].

Образ *Екатерины II* – чуть ли не идеальный образец правителя: «честолюбивая и дальновидная, энергичная и хорошо образованная» [3, с.57], «очень умная и наблюдательная» [3, с. 64], «деятельная и неординарная правительница» [3, с.59]. В отличие от предшествующей «эпохи дворцовых переворотов» – времени правления или влияния фаворитов, эпоха *Екатерины Великой* оценивается иначе. «Достижения и победы времени её царствования носят во многом отпечаток её личного участия, направляющего внимания, натура талантливая, образованная, литературно одарённая, она умела многое – и управлять огромной империей, к чему страстно стремилась со времени прибытия в Россию, и ладить с людьми, и, что очень важно, приближать к себе людей талантливых, одарённых, поручать им важные дела в соответствии с их способностями» [3, с. 59]. В итоге *Екатерина II* предстаёт в качестве «одного из самых успешных реформаторов», в царствование которого Российская империя добилась значительных успехов на международной арене [1, с.181], под управлением которого «...Россия вышла

на новый уровень развития, став несравнимо более богатым и сильным государством, чем раньше, заняв достойное место в ряду великих европейских держав» [11, с. 57].

Как видим, женщины XVIII века – это царствующие особы. Кроме них на страницах учебников присутствует руководитель Российской академии и руководитель работ по изданию шеститомного толкового словаря русского языка *Екатерина Романовна Дашкова* [2, с. 269; 7, с. 241], актриса первого профессионального театра *Т. М. Троепольская* [3, с. 118], а также печально известная помещица *Дарья Салтыкова*, замучившая 169 крепостных крестьян [7, с. 241]. Несколько расширяют круг женских образов книжные иллюстрации – портреты, скульптуры, изображающие придворных дам.

XIX век

Новшества в образе жизни и занятиях женщин XIX в. слабо отражены в школьной литературе, тогда как гендерно ориентированные специалисты считают эпоху Великих реформ другой важной вехой в женской истории [15, с.471]. Это время возникновения движения женщин за свои права, серьёзных изменений положения женщин в семье и обществе. Из разнообразных социальных новаций только развитие женского образования вошло в школьные курсы: распространение женского институтского образования в первой половине XIX в., обучение крестьянских девочек в приходских школах [1, с.288; 3, с.202], открытие женских гимназий и Высших женских курсов (ВЖК) во второй половине века [3, с.307; 9, с.217, 219; 12, с.98; 8, с.189; 5, с.23]. Некоторые авторы включают гендерные аспекты в характеристику грамотности и образования населения XIX в.: наличие гендерной асимметрии в грамотности мужчин и женщин XIX в. («к середине XIX в. умели читать и писать 39% мужчин старше 9 лет и 17% женщин») [10, с.67, 229]; раздельное обучение лиц мужского и женского пола; отличие в целях мужского и женского институтского образования (воспитание «добрых жен») [9, с. 115]; недоступность университетского образования для женщин [1, с.288; 3, с.307]. При этом становится понятной важность такого явления, как ВЖК, подчёркиваемая некоторыми авторами [11, с.245].

Гендерные аспекты сословной структуры, сведения о развитии брачно-семейных отношений лишь эпизодически можно уловить из школьного курса. О брачном возрасте для разных сословий, обязательности вступления в брак, женских занятиях, патриархальных отношениях внутри семьи говорится в учебнике А. Ф. Кисилёва [8, с.155], о семейной субординации купечества упоминает Л. М. Ляшенко [12, с.151]. Редкость межсословных браков даже в конце XIX в. отмечена Н. Н. Лазуковой и О. Н. Журавлёвой [9, с.102].

Участие женщин в войнах XIX в. представлено двумя именами. Традиционно среди руководителей партизанских отрядов Отечественной войны 1812 г. упоминается *Василиса Кожина* [8, с.38; 10, с.56; 9, с.32; 1, с.242; 3, с.152], среди участниц Крымской войны (1853–1856) – первая русская сестра милосердия *Дарья Севастопольская* [10, с.78; 9, с. 83].

Смена ориентиров в новых учебниках, отход от клише советской историографии имеют не только положительные стороны. Забытым в учебниках XXI в. оказался подвиг жён одина-

дцати декабристов, добровольно последовавших за своими мужьями в сибирскую ссылку. Один лишь учебник назвал имена княгинь *Е. И. Трубецкой* и *М. Н. Волконской*, графини *Е. П. Нарышкиной*, *А. Г. Муравьевой*, баронессы *А. В. Розен*, генеральских жён *Н. Д. Фонвизиной* и *М. К. Юшневской*, осмелившихся бросить вызов не только общественному мнению, но и официальной власти, отказавшихся от развода с «государственными преступниками» и предпочевших разделить тяжёлую участь супругов [9, с. 50].

Только учебник А. А. Левандовского отметил своеобразную причастность женщин к развитию общественной мысли 1830–1840-х гг. Салоны графини *Евдокии Ростопчиной*, *Авдотьи Елагиной*, поэтессы *Каролины Павловой* «всё в большей степени теряли свой аристократический характер, превращаясь в чрезвычайно важное явление общественной жизни» [10, с. 46].

Не пользуются популярностью у авторов современных учебников, зачастую остаются в полном забвении жёны русских императоров XIX в. Нет их имён в учебниках Л. М. Ляшенко, А. А. Левандовского (8-й и 10-й классы), И. А. Андреева. Из пяти императриц XIX – начала XX в. в учебнике А. Ф. Кисилёва и В. П. Попова названо имя только жены Александра III датской принцессы *Дагмары* (в крещении *Марии Федоровны*) [8, с. 155], в учебнике Н. Н. Лазуковой – немецкой принцессы *Алисы* (в крещении *Александры Федоровны*), супруги Николая II, [9, с. 253], в учебнике Н. И. Павленко – *Марии Александровны*, жены Александра II (13, с. 250).

Две императрицы упомянуты в учебнике В. И. Буганова: супруга Павла I вдовствующая императрица *Мария Федоровна* и супруга Александра II императрица *Мария Александровна*. Имя Марии Александровны соседствует с именем морганатической жены царя-освободителя в контексте рассказа о личной жизни последнего: «После смерти императрицы Марии Александровны он женился на княгине Е. М. Юрьевской» [3, с. 151, 277]. Из особ царской семьи в подготовке Великих реформ участвовала тётка царя великая княгиня Елена Павловна, которую причисляют к активным сторонникам освобождения крестьян [1, с. 278; 13, с. 285].

Более пространно сказано об Александре Фёдоровне в учебнике А. А. Данилова и др. в связи с событиями Первой мировой войны: упомянута работа императрицы и царевен *Ольги* и *Татьяны* в госпиталях и санитарных поездах, усиление роли Александры Фёдоровны в принятии государственных решений. Авторы не скрывают, что её не любили в России «...во многом из-за того, что ненавидели Г. Е. Распутина» [5, с. 62, 67].

Крайне узко представлено участие женщин в общественных движениях XIX в. Нет ни одного имени знаменитых благотворительниц, упоминаний о создании многочисленных женских организаций. О женском участии в «хождениях в народ» говорится без имён и только в одном учебнике [8, с. 151]. Из революционерок приводятся имена женщин, входивших в руководящие органы революционных народнических организаций (*В. И. Засулич*, *С. Л. Перовской*) и отличившихся личным участием в терактах или их организации. Сообщается о покушении В. Засулич в 1878 г. на Петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, освещается роль С. Л. Перовской в организации покушений на императора Александра II. Удачное покушение на Александра II и смерть императора в результате теракта обеспечили посмертную «славу» ор-

ганизатору этого события – Перовской, имя которой всегда фигурирует на страницах учебников [1, с. 293; 3, с. 269, 272, 274, 278; 8, с. 151, 152, 156; 9, с. 166, 167; 11, с. 219]. Иногда к этим персоналиям добавляется имя *В. Н. Фигнер* (11, с. 221; 1, с. 292). Отмечен факт участия *В. Засулич* в первой марксистской группе «Освобождение труда» (10, с. 225; 11, с. 232; 3, с. 301; 12, с. 133), *Н. К. Крупской* – в руководстве «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» [3, с. 304].

Наибольшее количество женских имён мы можем увидеть в разделах, посвящённых культуре XIX в.: актриса начала века *Е. С. Семёнова* [8, с. 102], актрисы конца XIX в. *М. Г. Савина* [9, с. 228; 12, с. 168; 8, с. 198], *М. Н. Ермолова* [9, с. 228; 12, с. 168; 10, с. 238; 11, с. 251; 1, с. 319; 3, с. 324; 8, с. 198], *В. Ф. Комиссаржевская* [9, с. 318; 8, с. 198], *П. А. Стрепетова* [9, с. 228; 1, с. 319; 3, с. 323; 8, с. 198], *Ф. Ф. Козловская* [8, с. 198]; скульптор начала XX в. *А. С. Голубкина*, танцовщицы *Анна Павлова* и *Тамара Карсавина*, мировая знаменитость немого кино *Вера Холодная* [9, с. 318].

Последняя треть XIX – начала XX в. отмечены вхождением женщин в различные области науки. В это время первые выпускницы заграничных университетов и отечественных ВЖК заявили о себе в профессиональной сфере. Все они остаются в неизвестности, за исключением математика *С. Ковалевской*, получившей ещё при жизни признание международного профессионального сообщества [9, с. 222].

XX – начало XXI в.

Количество женских имён в учебниках истории Отечества XX в. убывает обратно пропорционально росту женской социальной активности. Семь женщин упомянуты в учебнике *В. А. Шестакова*, десять – в учебнике *Д. Д. Данилова*, *Д. В. Лисейцева*, *Н. С. Павловой*, *В. А. Рогожкина*. Объяснить это традиционным перевесом интереса к политическим и военным событиям невозможно, так как в XX в. женщины активно боролись за свои права и права народа, вступали в политические партии и входили в их руководящие органы, наряду с мужчинами несли тяготы войны в тылу и на фронте. Наиболее полно, по сравнению с другими авторами (и другими периодами), женщины представлены в учебниках по истории XX в. *А. А. Данилова*, *Л. Г. Косулиной*, *М. Ю. Брандт* и учебнике *О. В. Волобуева*, *В. В. Журавлевой*, *А. П. Ненарокова*, *А. Т. Степанищева*. Но ряд тем представляют табу и для них.

Женское движение начала XX в., благодаря которому женщины получили избирательные права в 1917 г. и благодаря которому разрабатывалось законодательство в отношении женщин и детей, не нашло отражение ни в одном учебнике, как и семейная политика советского государства, работа женотделов в 1920–1930-е гг.

Женщины в политике начала XX в. представлены только революционным направлением: лидер левых эсеров *Мария Спиридонова*, лидер «рабочей оппозиции» *Александра Коллонтай*. Приведены эпизоды, связанные с политикой большевиков: *Мария Спиридонова* упомянута в связи с вооружённым инцидентом, в результате которого эсерами был захвачен председатель ВЧК *Ф. Дзержинский*. В ответ большевики арестовали лидеров левых эсеров во главе с *М.*

Спиридоновой [4, с. 82; 5, с. 98, 146; 4, с. 120, 121]. Александра Коллонтай представлена как лидер «рабочей оппозиции», которая открыто выступила против вмешательства партии во все сферы жизни общества и государства [5, с. 146]. *Е. Н. Кускова* названа видным деятелем кадетской партии в контексте рассказа о большевистской политике в годы гражданской войны, о создании ею совместно с Н. М. Кишкиным и С. Н. Прокоповичем «Всероссийского комитета помощи голодающим» и роспуске его большевиками [4, с. 112].

Отражён трудовой вклад советских женщин в 1930–1940-е гг., их участие в стахановском движении (ткачихи *Е. В.* и *М. В. Виноградовы*), названы инициаторы важных починов в промышленности и на селе *Е. Г. Барышникова*, *Е. М. Чухнюк*, *П. Ангелина* [5, с. 164; 7, с. 168, 170], указана доля женского труда в народном хозяйстве – 57% [4, с. 167]. Не забыт оказался вклад в победу творческой интеллигенции, «деятельность которой была наполнена высокой идеей защиты Отечества»: *О. Берггольц* [4, с. 185], выступления в фронтовых театрах артисток *А. Тарасовой*, *А. Яблочкиной*, *Е. Гоголевой*, исполнительниц лирических песен *К. Шульженко* и *Л. Руслановой* [4, с. 185; 5, с. 180]. В назидание приведена судьба блокадниц *Т. Савичевой*, *Елены Кочиной*.

Женщины в культуре XX в. – это поэтессы *З. Н. Гиппиус*, *М. И. Цветаева*, звезда Серебряного века поэзии *А. А. Ахматова*, сопрано Большого театра *А. В. Нежданова*, балерина *А. Т. Павлова*, актриса немого кино *Вера Холодная*, знаменитые театральные актрисы *О. Л. Книппер-Чехова*, *О. Н. Андровская*, *К. Н. Еланская*, *А. К. Тарасова*, *М. Н. Ермолова*, актриса и руководитель театра современного репертуара *В. Ф. Комиссаржевская*, скульптор *А. С. Голубкина*, актрисы советского кинематографа *М. А. Ладыгина*, *Т. Ф. Макарова*, *Л. П. Орлова*, писательницы *А. Барто* и *О. Д. Форш*. [4, с. 59; 5, с. 22, 156, 180; 14, с. 59].

Сложность творческой судьбы деятелей культуры в советское время показана на примере *А. А. Ахматовой* и *М. И. Цветаевой*. Идеологизация искусства, настойчивое стремление поставить творчество под партийный контроль привели к запрету ряда произведений. «Показательная экзекуция» – так характеризовал Волобуев знаменитое Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором стихи Ахматовой критиковались за безыдейность и дух упадничества [4, с. 210; 6, с. 274]. Реабилитация осуждённых в сталинское время художников и писателей, публикация ранее запрещённых стихов *А. А. Ахматовой* и *М. И. Цветаевой*, романа *В. Пановой* «Времена года» и др. последовали только в середине 1950-х гг. [14, с. 263; 5, с. 272, 275].

Изложение истории второй половины XX в. отрывочно представлена женскими именами, здесь предпочтения авторов проявляются с большей силой. Учебник *А. А. Данилова*, *Л. Г. Косулиной*, *М. Ю. Брандта* достаточно много внимания уделил достижениям отечественного спорта и характеристике культурной жизни. Среди прославленных призёров Олимпиад названы спортсменки: метательница диска *Н. Ромашкова*, сестры *Т.* и *И. Пресс*, гимнастка *Л. Латынина*, лыжница *Л. Лазутина*, теннисистка *А. Курникова*, мастера синхронного плавания *Ольга Брусникина* и *Мария Кисилёва*, спринтер *Ирина Привалова*, *Анастасия Ермакова*,

Анастасия Давыдова, чемпионка в беге на коньках *Светлана Журова*, фигуристки *Татьяна Тотьмянина* и *Татьяна Навка*, легкоатлетка *Елена Исинбаева* [5, с. 272, 350].

Духовная жизнь России 1990-х гг. представлена творчеством писательниц *З. Богуславской*, популярностью сочинений *Т. Толстой*, *А. Улицкой*. В репертуар ведущих российских оркестров вошли произведения *С. Губайдуллиной*. Признание и известность получили оперная певица *О. Бородина*, артистка балета *У. Лопаткина*, *Д. Вишнева* [5, с. 340–341]. Имя французской актрисы *Марины Влади* вспоминается в контексте рассказа о *В. Высоцком* [6, с. 310].

Среди научной интеллигенции 1960-х гг., разрабатывавшей теоретические основы принципиально другого хозяйственного механизма, иной системы управления, названа экономист *Т. Заславская* [14, с. 319; 5, с. 312]. Отмечено создание первой в СССР открытой общественной ассоциации – инициативной группы защиты прав человека в СССР (1969), куда входила и *Н. Горбаневская*, названа правозащитница *Л. М. Алексеева* [4, с. 243; 6, с. 297]. Немного информации содержится о первых леди советского периода, женщинах советской элиты; как правило, это негативные факты коррупции или вседозволенности правящей верхушки. В таком контексте говорится о жене главы МВД *Щелокова* и дочери *Л. И. Брежнева* [6, с. 307].

Женщины в правительстве и политике второй половины XX – начала XXI в. остаются неизвестными современному школьнику. Преподавательница из Ленинграда *Нина Андреева* названа как автор письма в защиту *И. В. Сталина* и сталинизма в годы гласности (1988) [5, с. 319]. Лишь в одном учебнике среди лидеров межрегиональной депутатской группы называется имя *Г. Старовойтовой* (1990-е гг.) [14, с. 331].

Выводы:

Таким образом, представленный обзор школьных учебников истории ещё раз демонстрирует модель исторического знания, характеризующуюся явной гендерной асимметрией. Развитие женских исследований, извлёкших из небытия многие женские имена, накопивших большой конкретно-исторический материал, не привело к адекватной репрезентации женщин на уровне общеобразовательных курсов истории.

В учебной литературе реализуется главным образом макроисторический подход, призванный представить историю как процесс изменений в основных сферах общества (экономической, социальной, политической, культурной). В меньшей степени отражены подходы микроистории, уделяющие внимание частной жизни – основной сфере, где до недавнего времени проявляли себя женщины. Персоналии учебной литературы – главным образом деятели политической истории, герои военных событий, «творцы» науки и искусств.

Стереотипы, определяющие поведение и взаимоотношения в обществе, не могут не проявляться и в социальном познании. Структура исторического знания выстраивается с помощью отбора фактов, и этот отбор характеризуется игнорированием большей части женского опыта. Далеко не всегда это можно объяснить невниманием к микроистории, повседневности и

частной жизни. Гендерное неравенство обнаруживает себя в ценностных и когнитивных структурах [16, с. 30], которые также должны подвергнуться изучению.

Как правило, на страницах учебников фигурируют представительницы высших сословий. Оказавшись на верху властной пирамиды в силу происхождения и случая, они оказались приближены к первым лицам государства. Что мы знаем об их роли в истории? О влиянии на мужей, причастности к политическим решениям, социальным событиям? То, что обозначено понятием «women's power» – роль в экономике, воздействие на принятие политических решений, женские сети влияния, влияние на изменение и передачу новых культурных стереотипов [22, с. 11] остаётся за пределами школьного курса.

Безусловно, на страницах учебников русской истории всегда присутствует информация о женщинах-правительницах. К их оценке историки подходят с различных позиций: с точки зрения способности или пригодности к управлению, самостоятельности его политики, вклада в могущество российского государства, укрепления его авторитета на международной арене. Оценка личностей русских цариц или императриц, оценка их правления почти одинакова в современных учебниках.

Негативно историки относятся к влиянию фаворитов на императриц. Это касается прежде всего Анны Иоанновны, в меньшей степени — Софьи и Елизаветы Петровны, Екатерины II. Разница в оценке фаворитов и фавориток существенна. Фаворитки императоров – это дополнительные штрихи к портретам государственных особ, проясняющие их личность (там, где о них упоминается, а не умалчивается). Фавориты императриц – показатель слабости, непригодности женщин к самостоятельному правлению. Степень негативности зависит от оценки личности фаворита. Так, присутствие нелюбимого историками Э. Бирона рядом с Анной Иоанновной окончательно подорвало её историческую репутацию.

Женская история в Европе и Америке продвинулась дальше, чем в России, и в своих конкретно-исторических исследованиях, и в теоретических осмыслениях.

Так, уже в середине 1970-х гг. задача «восстановить историческое существование женщин», написать особую «женскую историю» была признана ограниченной. Новое направление гендерных исследований, истории гендерных отношений с центральной проблемой соотношения частного и публичного развивается с 1980-х гг. [22, с. 7]. Выдвигаются предложения пересмотреть существующие схемы исторической периодизации с учётом женского социального опыта, предложить «новую хронологию» истории.

Новые ориентиры на современном этапе развития историографии предлагают отечественные учёные, выступая за создание «обновленной социокультурной истории», «обогащённой социальной истории, которая стремится расширить своё предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений, как публичную, так и частную» [22, с. 7, 17].

Способы достижения этой цели не предполагают взаимоисключения женской истории и гендерного подхода как новой методологии исторического анализа. Для российской историо-

графии по-прежнему актуальна и первая задача. Появление обобщающих трудов по истории женщин в России, аналогичных шеститомному изданию по истории европейских женщин «История Женщин на Западе» под редакцией Жоржа Дюби, Мишеля Перро [21, с. 374–376], явилось бы шагом вперёд к утверждению по настоящему полной истории обоих полов. Но вряд ли сегодня история нуждается в новой периодизации. Попытки дать «новую хронологию» истории хороши тем, что ещё раз подчеркивают назревшую необходимость введения в структуру исторического знания новых концептов, отражающих сдвиги, трансформацию или динамику социальной и культурной реальности прекрасной половины человечества.

Литература

1. Андреев И. А., Данилевский И. Н., Кириллов В. В. История России с древнейших времён до конца XIX века. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень). – М.: Мнемозина, 2010. – 336 с.
2. Баранов П. А. История России. 7 класс: Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / [П. А. Баранов, В. Г. Вовина, И. М. Лебедева и др.]; под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. – Москва: Вентана-Граф, 2011. – 303 с.
3. Буганов В. И. История России, конец XVII – XIX век. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: профильный уровень / Буганов В. И., Зырянов П. Н., Сахаров А. Н.; под ред. А. Н. Сахарова. – Москва: Просвещение, 2010.
4. Волобуев О. В., Журавлев В. В., Ненароков А. П., Степанищев А. Т. История России. XX – начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. – 8-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2010. – 318 с.
5. Данилов А. А., Косулина Л. Г., Брандт М. Ю. История России. XX – начало XXI века. 9 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. – 8-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2011. – 382 с.
6. Данилов Д. Д., Лисейцев Д. В., Клопов В. А., Кузнецов А. В., Кузнецова С. С., Павлова Н. С., Рогожкин В. А. История России. 9 класс: XX – начало XXI века / [Данилов Д. Д. и др.]. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Баласс, 2011. – 383 с. (Образовательная система «Школа-2100»).
7. Данилов Д. Д., Лисейцев Д. В., Павлова Н. С., Рогожкин В. А. История России. XVI–XVIII века: [учебник для 7-го класса основной школы]. – Москва: Баласс, 2011. – 303 с. (Образовательная система «Школа-2100»).
8. Кисилев А. Ф., Попов В. П. История России. XIX век. 8 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. – М.: Дрофа, Московские учебники, 2010.
9. Лазукова Н. Н., Журавлёва О. Н. История России. 8 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений / под общ. ред. Р. Ш. Ганелина. – М.: Вентана-Граф, 2010.
10. Левандовский А. А. История России. XIX век. 8 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений / под ред. А. Н. Сахарова. – М.: Просвещение, 2010. – 399 с. (Академический школьный учебник).

11. Левандовский А. А. История России XVIII–XIX веков. 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: базовый уровень / А. А. Левандовский. – 7-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 256 с. (МГУ – школе).
12. Ляшенко Л. М. История России. XIX век. 8 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений. – М.: Мнемозина, 2010.
13. Павленко Н. И. История России с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс. Базовый уровень: Учебник для общеобразовательных учреждений / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, Л. М. Ляшенко; под ред. А. Ф. Кисилёва, Н. И. Павленко. – 4-е изд. – М.: Дрофа, 2011. – 335 с.
14. Шестаков В. А. История России. XX – начало XXI века. 11 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: профильный уровень / под ред. А. Н. Сахарова. – 4-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2011. – 399 с.
15. Большакова О. В. Периодизация гендерной истории России в зарубежной русистике // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: Материалы третьей международной научной конференции РАИ-ЖИ, 1–3 ноября 2010. – Череповец – М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 2.
16. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / ред.-сост. Н. М. Римашевская. – М.: Наука, 2009.
17. Елисеева О. И. «Прости, мой неоценённый друг»: женская дружба в эпоху Просвещения // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
18. Ерофеева Н. Ю. Гендерная педагогика: Учебное пособие. – Ижевск: ERGO, 2010; Зуйкова Е. М., Ерусланова Р. И. Феминология и гендерная политика: Учебник. 3-е изд. – М.: ООО «ИТК «Дашков и К», 2009.
19. Попова Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности: Учебное пособие к спецсеминару. – М.: Прометей, 1996.
20. Пушкарева Н. А. От «His-story» к «Her-story»: рождение исторической феминологии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
21. Репина Л. П. Гендерная история сегодня: проблемы и перспективы // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
22. Смирнова А. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М., 2005.
23. URL: <http://www.wcons.org.ru/ru/files/Gender%20analysis%20of%20school%20textbooks.doc> (дата обращения: 18.05.2011).

Рецензент – Соколова Ф. Х.,
доктор исторических наук, профессор